

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР И ОНТОЛОГИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ

УДК 159.9

НИКОНОВ Г.А.

аспирант Нижегородский институт
управления – филиал РАНХиГС,
г. Нижний Новгород

ЕГОРОВА Т.Е.

доктор психологических наук, доцент
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород

Рассмотрены прагматический и ценностно-смысловой подходы к регуляции деятельности человека. Показан системный характер ценностно-смыслового уровня. Рассмотрены разные формы детерминации. Проведен сравнительный анализ двух подходов.

Ключевые слова: *Прагматизм, ценностно-смысловая регуляция, деятельность, системный подход, метарегуляция, поощрение/наказание, гомеостазис, гедонизм, сложность, методология, детерминация.*

СИСТЕМНИЙ ХАРАКТЕР І ОНТОЛОГІЯ ЦІННІСНО-СМИСЛОВОЇ РЕГУЛЯЦІЇ

Розглянуто прагматичний та ціннісно-смысловий підходи до регуляції діяльності людини. Показаний системний характер ціннісно-смыслового рівня. Розглянуто різні форми детермінації. Проведено порівняльний аналіз двох підходів.

Ключові слова: *Прагматизм, ціннісно-смыслова регуляція, діяльність, системний підхід, метарегуляція, заохочення / покарання, гомеостазис, гедонізм, складність, методологія, детермінація..*

Со сменой политического строя в 1991 году в нашу жизнь пришли новые ценности и идеалы, изменившие и ценностные ориентиры, живущих в новом обществе людей. Изменения социальной среды, породили новый тип социальных отношений людей, где ценность человеческого отношения начинает уступать философии прагматизма, где ценные качества личности – предприимчивость, инициативность, уживается с соревновательностью, с приоритетом личных интересов, где материальная состоятельность становится показателем успешности личности. Все эти изменения повысили напряженность социальной среды, что становится основанием для развития новых направлений психологической науки, таких как экстремальная психология, психология кризисных ситуации, экологическая психология, включающие в свои объяснительные схемы разнообразные аспекты жизни людей в социальной и природной среде. Все эти направления так или иначе затрагивают сознание человека современного общества, его направленность, ценностно-смысловые ориентации.

Отсутствие четкого представления о ценностно-смысловой сфере личности, ее структуры, происхождения и развития может затруднять исследования природы разных явлений психики, в том числе и сознания человека. Освещению некоторых методологических оснований исследований ценностно-смысловой сферы человека стало одной из задач нашего теоретического исследования.

В практике человеческих отношений часто можно встретить мнение, что самыми действенными методами воздействия на поведение других людей является поощрение и наказание. Это «реальные», настоящие, действенные методы, тогда как «идеальная» часть регуляции (идеалы, ценностные ориентации, смыслы) это всего лишь показатель слабости и неумения обращаться с основным средствами. Особую уверенность сторонникам первого подхода придает множество открытий сделанных нейробиологами с 1954 года, после открытия центров удовольствия, и исследования психофизиологами системы подкрепления (reward system). Ограниченность такого строгого подхода не вызывает сомнений.

Последние 140 лет психология пребывает в состоянии перманентного кризиса, о котором писал еще Л.С. Выготский, острота которого то возрастает, то уменьшается. Отсутствие единой парадигмы, единого методологического базиса, в рамках которого развивалась бы психология, создает предпосылки для самых разных видов редукционизма от физиологического, до социального. Последние годы с новой силой возобновилась дискуссия по поводу методологических проблем психологии, что выражается в большом количестве специально-методологических статей.

Попытки преодолеть эту сложившуюся ситуацию предпринимались неоднократно. В советское время это была культурно-историческая концепция Выготского, получившая свое развитие в деятельностной теории Выготского Леонтьева Лурия.

В настоящее время существует серьезная необходимость в комплексном, методологически обоснованном решении проблем психики, которое учитывало бы достижения и тенденции современной науки, такие как понятия системности. Реальный учет системного характера психических явлений мы находим в работах Ананьева Б.Г., Анохина П.К., Ломова Б.Ф., Рубинштейна С.Л. и др.) [2]. Системный характер психического отражен в методологическом труде В.И. Панова, раскрывающим сущность экопсихологического подхода к исследованию психического [11]. Обращение к системности мы находим в трудах Карпова, раскрывающего метасистемный уровень смысловой регуляции [6], что позволяет по-новому взглянуть на отдельные аспекты психики, в том числе, и на регуляцию поведения человека. Обращение к системному подходу позволяет проникнуть не только в природу психического, но и возможно, прояснить неко-

торые причины недооценки важности ценностно-смысловых способов регуляции деятельности человека, по сравнению со старыми, в сущности своей, бихевиористскими подходами.

Представление о психике человека, как о системном образовании, имеет свою предысторию. По Ухтомскому, функциональной системой является любое сочетание любых сил, которые объединяются для реализации любой задачи. Такие взгляды радикально отличаются от господствовавшего в конце XIX **начале XX в. картезианского** взгляда на мир, в рамках которого человек мыслился как сложная, но все же механическая, линейно детерминированная система. Системный подход делает невозможным работу в рамках старой схемы $S > R$ востребованной в ранних версиях бихевиорального подхода, популярной отчасти и сейчас [4].

Недооценка ценностно-смысловых категорий имеет и другие философско-исторические причины. Революционное открытие Ч. Дарвином эволюции, естественного отбора и животного происхождения человека, привело многих к ошибочному выводу о том, что человек это развитое животное. Что человеческие свойства и качества можно получить простым масштабированием свойств его эволюционных предшественников. Это положило основу биологическому редуccionизму, который работает с набором привычных биологу понятий – инстинктов, потребностей, раздражительности и рефлексов.

Простой перенос принципов одной науки в другую без серьезного теоретического осмысления такого действия, чреват серьезными ошибками, устранить которые можно только пересмотром самого исследовательского подхода. Примером может служить применение к человеку принципа гомеостаза, естественного для физиологии, но требующего адаптации для применения его в области человеческих отношений. Естественная убежденность исследователей конца XIX – начала XX в.в. в **стремлении человека к гомеостазу (Фрейд)**, ставится под сомнение современными исследователями. Примером могут служить исследования неадаптивной, надситуативной активности Петровского [12], гуманистическая психология В. Франкла [13] и др.

Подходы, ориентированные на поощрение-наказание и средства ценностно-смыслового сферы, можно различать по уровню сложности представления своего объекта. Главное отличие психологии, как и любой другой социальной науки от физики и других естественных наук в том, что она работает с объектами иного уровня сложности. Физика работает со свойствами объектов неживого мира, анатомия работает с частями живых организмов, которые вне работы живой системы можно рассматривать, подобно объектам физики, как неживые. Физиология исследует уже функциональные системы, составляющие живые существа, подчиняющиеся принципу гомеоста-

зиса. Мы видим постепенное усложнение предмета, которому должно соответствовать усложнение исследовательско-методологической позиции.

Широкое распространение методов поощрения/наказания по сравнению с методами имеющими ценностно-смысловую природу, отчасти объясняется потребностью в относительно простом, ясном, прозрачном объяснении. Они возникают как альтернатива сложным, подчас перегруженным теоретическими тонкостями объяснительным схемам. Такая простота зачастую покупается ценой существенной неточности и игнорирования многих существенных фактов. При таком подходе, например, сложная структура мотивации и анализ механизмов деятельности, будет заменен упрощенным высказыванием – «Не делаешь значит, не хочешь. Будет мотивация, все получится». Такого рода высказывания, вплотную примыкающие к формулам «жизненной психологии», едва ли могут удовлетворить ученого, но в полной мере отвечают потребности получить доступное, удобное объяснение.

Характерной чертой, вечных споров сторонников прагматиков и «идеалистов», являются примеры приводимые из области чрезвычайного. Идеалисты говорят о взлете человеческого духа, прагматики настаивают на том, что такое случается крайне редко, и что такими событиями можно пренебречь. Молчаливо постулируется одинаковость человека. Он всегда один и тот же, и, рассмотрев один какой-то случай, экстраполируя, можно получить картину, описывающую человека вообще. Такое упрощение едва ли возможно. Уместно вспомнить идею «пунктирного человека» Д.А. Леонтьева человек не может все время находиться на пике человеческих качеств. У него неизбежно будут провалы – моменты, когда в его мотивационной структуре будут преобладать простейшие компоненты. Это приводит к тому, что в разное время человек ведет себя существенно по-разному, и вне учета ситуации делать выводы общего характера было бы неправильно.

Особенность исследовательского отношения психологов, которые следуют идеям системного подхода к человеку, то есть, не как к сумме элементарных частей, а как к целому, обладающему по сравнению с составляющими его частями, новыми свойствами, не свойственными образующим его компонентам. Активность такого целого направляется не только подлежащими причинами, как было принято в рамках концепции механического детерминизма, а целью предвосхищением необходимого результата. Мы видим, что для живой системы помимо причинного детерминизма доступен целевой детерминизм.

В каком-то смысле приверженцы системного подхода реализовали старую идею Выготского – анализировать явления психики, дей-

ствия живого человека не по элементам (которые не содержат в себе свойства целого), а по единицам, которые такими свойствами обладают. [цит. по 10]

Точно так же, как восприятие человеком окружающего мира не сводится к сумме ощущений, работе рецепторного аппарата, так и смысловую сферу невозможно объяснить только действием системы вознаграждения. При объяснении поведения человека опираясь исключительно на нейрональное обеспечение, происходит смена уровня исследования. Незаметно для исследователя происходит переход с человеческого уровня на организменный. Все выводы, полученные таким образом должны относиться не к человеку, а к организму.

Происхождение человека от общего с обезьяной предка часто неверно трактуется как то, что человек – животное. Оно научилось смеяться или обладает прямохождением, или у него появились другие антропоморфные признаки, но по сути, это развитое животное.. Такой подход кажется нам недопустимым. Необходимо четко понимать, что при переходе от животного к человеку произошел качественный скачок. Все попытки объяснить человеческое животными инстинктами методологически бессмысленны, если не учитывать наряду с количественными качественными изменениями. Такая необходимость делает прямое масштабирование животных свойств (экстраполяцией) на человека невозможным.

Например, В.В. Давыдов делил уровни потребностей человека не так, как это было принято в традиционных подходах (органический, биологический, социальный, духовный). Он писал о необходимости замены биологического уровня органическим. Эта замена при всей своей кажущейся тавтологичности имеет конкретный смысл. Никто не отменяет того факта, что мы – живые существа, и наша плоть, наши организменные потребности требуют своего, но меняя биологический уровень на органический, мы как бы понижаем их в «табели о рангах». Они остаются, но занимают уже подчиненную роль. Локализуются как «интересы» субстрата, а не живой биологической системы. Уровень биологического уходит, сменяясь человеческим (социальным) уровнем. Такая перестройка иерархии потребностей, как нам кажется, отражает суть качественных изменений, произошедших при становлении человека [3].

Классическим примером, можно считать слова К. Маркса, которые любил повторять А.Н. Леонтьев, о разных способах удовлетворения голода. Один – голод, который человек утоляет при помощи ножа и вилки, другой – при помощи когтей и зубов [7]. Недопустимо только на основании факта существования общих органических потребностей не видеть разницы между этими двумя способами удовлетворения голода. Даже если представить себе человека, который, в силу невыносимых условий начал есть с пола, это вовсе не значит,

что человек всегда животное. Скорее это означает, что его можно расчеловечить, довести его до скотского состояния, когда специфически человеческий уровень будет им утрачен. Но это отсутствие человека, а не свидетельство в пользу его животной природы.

Органический уровень потребностей человека может в каких-то случаях наложить вето на принятие тех или иных решений, и почти всегда оказывает некоторое влияние на наши решения, но не может целиком управлять деятельностью человека, именно в его человеческой ипостаси. В противном случае мы бы имели живой автомат, возвратились к представлениям о человеке времен Р. Декарта, представлениям о демоне Лапласа, чисто механическому детерминизму.

Если подытожить сказанное в более академическом ключе, можно сказать, что возражения против чисто прагматического подхода носят в первую очередь самый общий – философский характер. В рамках системного подхода уже нельзя рассматривать человека как субъекта живой природы. Он не только биологичен, он еще и социален. Это живая система, которая является частью большей системы. Как целое, он воспроизводит собой экстрасистемные («метасистемные» (Карпов)) качества, не свойственные каждому взятому отдельно ее элементу. Именно так, можно методологически обосновывать «специфически человеческое» в человеке. Это результат системного строения человеческого сознания, психики, общества в целом.

С начала XX в сильно изменились представления о причинности принятой в науке. Если позитивистскому видению мира было свойственно простые причинно-следственные представления о мире, то начиная с начала предыдущего века, все большее значение начинает играть целевая детерминация. Представления не о том, что толкает, а то, что притягивает человека. Это видно в появлении таких понятий, как образ потребного будущего, акцептор результата действия [5], [1].

Отвечая на вопрос «Почему люди делают то, что они делают?» Д.А. Леонтьев составляет типологию причин действия. Ответы задают по меньшей мере шесть логик поведения. Каждый из вариантов ответа определяет разные отношения человека с окружающим миром, а значит и разные системы регуляции поведения.

1. «Потому что я так хочу» логика удовлетворения потребностей.

2. «Потому что он первый начал» логика реагирования на стимул.

3. «Потому что я всегда так делаю» логика предрасположенности. Сюда относятся стереотипы, диспозиции. Самая значительная часть регуляции, с которой связаны такие понятия, как «характер», «стиль», «установка», «научение».

4. «Потому что все так делают» логика социальной нормативности. Это социальные ожидания, желание соответствовать значимой группе. Крайним случаем такого поведения является тотальный конформизм. Полное подчинение при отсутствии инициативы.

5. «Я это сделал, потому что мне это важно» логика смысла или логика жизненной необходимости. Человек является личностью в той степени, в какой его поведение определяется такими соображениями.

6. «А почему бы и нет?» логика свободного выбора. Наличие такого рода логики связано с личностной зрелостью.

Одним из базовых положений общей психологии, является мысль о том, что высшие психические функции носят преимущественно произвольный характер. Они в значительной мере управляются волевым усилием и существуют, прежде всего, не на биологическом или физическом уровне, а на уровне смыслов.

Согласно типологии логик поведения Д.А. Леонтьева произвольному поведению соответствуют пятая и шестая логики. Что интересно, на них трудно влиять, они не поддаются манипуляциям со стороны, так, как это происходит с первыми четырьмя. Не случайно попытки манипулировать поведением людей могут использовать одну из четырех низших логик (соблазнение, провокация, формирование установки и наложение обязательств) и должны в максимальной степени блокировать две высшие [8].

Движение от основания к вершине пирамиде Маслоу в ряде случаев носит односторонний характер. Движение в обратную сторону (от верхних ступеней к низшим) не всегда возможно. Классическим примером регресса может считаться «Повелитель мух» Голдинга, в котором дети, оказавшись оторванными от цивилизации, за несколько дней почти утратили человеческий облик. Однако следует учитывать, что герои романа – не взрослые, а ребята, едва ли достигшие личностной зрелости и высших форм мотивации. В противовес этому примеру, бывает и так, что люди, достигшие высших уровней, не возвращаются назад, к низшим ступеням, и согласны скорее погибнуть, чем снизить планку человечности. Благородное поведение людей в экстремальных ситуациях не дает сомневаться в возможности и такого развития событий. Хрестоматийным примером может служить жизнь В. Франкла. [12] В условиях концлагеря ценности не сдавали позиции органическим компонентам. Можно говорить об обретении ценностями онтологического статуса. Самоотверженное поведение многих матерей в трудных обстоятельствах говорит о существовании соображений иного порядка. Мы подчеркиваем, что такое поведение не обязательно, оно не следует автоматически только лишь из того факта, что человек стал человеком. Для его реализации всегда необходимо прилагать усилия, «держаться усилие» в

терминологии М.К. Мамардашвили. [9] Но сама возможность поведения основанного на усилении человека быть человеком, должно отклонять автоматическое применение исключительно гедонистической схемы объяснения.

Несомненно, оперировать терминам научения проще. Учет ценностной и смысловой регуляции делает картину окружающего мира более сложной для любого человека, вне зависимости от его академической подготовки. Кажущаяся простота и герметичность простых механистических решений не должна заслонять реальную сложность и системность связей, пронизывающих мир. Эффективное существование возможно только при условии хоть сколько-нибудь адекватного отражения, пусть даже и сложного окружающего мира.

Особенно опасно переносить логику наказания поощрения из области формирования отдельных навыков (которой она вполне релевантна) в этико-моральную сферу. Когда сторонники разумного альтруизма предлагают рассматривать заботу матери о ребенке, как способ повысить самооценку или избежать негативной оценки другими людьми, в случае не проявления родительских качеств, это видится неоправданным упрощением ситуации. Более простым из доступных было бы отсылка к человеческим чувствам, даже если они очень не просты в своем генезе и имеют сложную социальную природу. Несомненно, матери доставляет радость знание, что ее ребенок счастлив, но тут важен порядок. Так, в первую очередь мать хочет счастья своему ребенку, и уже потом испытывает от этого радость, а не собирается сделать все для ребенка, чтобы не испытывать мук совести.

Итак, нами была проведена попытка эксплицировать представления, лежащие в основе, получившего последние 20 лет распространение, прагматического подхода, сравнить его с ценностно-смысловой регуляцией. Для этого нам потребовалось развести уровни, на которых эти подходы эффективны: физический и биологический для гомеостатических и гедонистических представлений, социальный и, собственно, человеческий (психологический) для ценностно-смысловой регуляции. Человеческий и биологический уровни регуляции активности качественно различаются. Применение системного подхода не позволяет сводить ценностно-смысловую регуляцию к нижележащим уровням. Это приводит к осознанию неполноценности стимульного подхода (поощрение/наказание) в объяснительной логике регуляции разных поведенческих действий, поступков и взаимоотношений людей в разных условиях социальной и природной среды.

Литература

1. Анохин, П.К. Избранные труды. Кибернетика функциональных систем / П.К. Анохин. М.: Медицина, 1988. 400 с.

2. Барабанщиков, В.А. Системный подход в структуре психологического познания / Методология и история психологии, 2007 г., т. 2, вып. 1.
3. Давыдов, В.В. Лекции по общей психологии / В.В. Давыдов. М. : Академия, 2008. 176 с.
4. Зинченко, В.П. А.А. Ухтомский и психология / Щедрина, Т.Г. Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко / Т.Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2011. 640 с.
5. Зинченко, В.П. Н.А. Бернштейн: психологическая физиология / Щедрина, Т.Г. Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко / Т.Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2011. 640 с.
6. Карпов, А.В. Психология сознания. Метасистемный подход / А.В. Карпов. М. : РАО, 2011. 1088 с.
7. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М. : Смысл, 2005. 352 с.
8. Леонтьев, Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. М. : Смысл, 2007. 511 с.
9. Мамардашвили, М.К. Философия и личность // «Человек». / М.К. Мамардашвили. М : 1994, № 5. с. 5 19.
10. Морозов, С.М. Психологическая теория деятельности. История и перспективы / С.М. Морозов. М. : МГПУ, 2007. 126 с.
11. Панов, В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В.И. Панов – М.: Наука, 2004. 197 с.
12. Петровский, В.А. Человек над ситуацией / В.А. Петровский. М. : Смысл, 2010. 559 с.
13. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

This article looks at pragmatic and value-semantic approaches to the regulation of human activities. Systemic Character of value-semantic level is shown. different forms of determination are described. A comparative analysis of the two approaches.

Key words: Pragmatism, value-sense regulation, activity, systematic approach metaregulation, reward / punishment, homeostasis, hedonism, complexity, methodology, determination.